

Разсказъ офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ.

I.

Койсубулинцы *).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отрядъ нашъ стоялъ за селеніемъ Эрпилами лагеремъ, для предупрежденія набѣговъ отъ койсубулинцевъ, которые съ акушинцами и аварцами собирались толпами, въ намѣренія пограбить границы, покрытыя русскими знаменами. Это было въ августѣ мѣсяцѣ. Отрядомъ командовалъ тогда новый начальникъ, недавно прибывшій изъ Россіи; человѣкъ съ большими познаніями, испытанной храбрости, но съ совершенно европейскими понятіями о горской войнѣ и съ рыцарскими правилами

*) Продолговатую долину, заключенную между рѣками Аталы, Аксаемъ и Казіуртомъ, иначе Койсу, называютъ русскіе Койсубулинскою, и народъ, живущій на ней, койсубулинцами. Ихъ прежде смѣшивали съ аварцами и чеченцами. Имѣя съ ними сношенія только по мечу, до сихъ поръ еще ни одинъ путешественникъ, ни географъ не упомянулъ о нихъ ни слова.

народной чести. Какъ водится, прежде чѣмъ помѣряться оружіемъ, пытались укротить мятежныхъ горцевъ угрозами и убѣжденіями. Они и сами, наскучивъ слишкомъ долгимъ для нихъ сборищемъ и видя войска, готовые встрѣтить и проводить ихъ, наконецъ, склонились разойтись по домамъ. Но тамъ, гдѣ нѣтъ народа, можетъ ли быть что нибудь общее, купное? и потому половина ихъ уже разсѣялась, когда другая, побѣдише или позадорише, подстрекаемая нѣсколькими игидами и богатырями (т. е. удалцами), оставалась еще въ оружіи въ деревнѣ Гимри. Изъ нихъ, однакожь, нашлось съ десяткомъ охотниковъ выдать себя за старшинъ и въ надеждѣ новаго кафтана заключить переговоры съ русскими...

Начальникъ отряда былъ чрезвычайно доволенъ, что заключилъ вѣчный миръ съ койсубулинцами. Койсубулинцы отправились домой въ твердой рѣшимости разорвать его при первомъ удобномъ случаѣ. Послѣ параднаго завтрака понеслась летучка о счастливомъ событіи... По несчастію, она не дошла до своего назначенія. Казакъ, ее везшій, былъ убитъ новыми союзниками.

Въ ту же ночь нѣкоторые изъ спутниковъ-посланцевъ, затаившись вблизи лагеря, застрѣлили въ цѣпи часового и ранили двухъ другихъ. Разумѣется, ужасная тревога: бой барабановъ... солдаты въ строй, удвоеніе цѣпи, патрули и разѣзды за цѣпью, и ии слѣда разбойниковъ. На другой день мнѣ досталось отправиться въ разѣздъ. Спокойно минулъ вечеръ; спокойно смѣнилась первая смѣна за полночь; но пе-

редъ утромъ выстрѣлъ на гаутвахтѣ—и опять тревога, опять барабанные перекаты, фитили въ рукахъ и курки на взводѣ... всѣ кричатъ: непріатели, хищники, черти... никто не знаетъ, гдѣ они. Вышло, что новобранецъ стоялъ на часахъ у фронта, подлѣ котораго сложены были телячьи ранцы караульныхъ. Какой-то странствующій волкъ и, должно думать, не послѣдній лакомка, привлеченный за пахомъ, пробрался сквозь цѣпь, чтобы отвѣдать телятины. Часовой, услышавъ шелестъ, окликнулъ дважды, но волкъ, вѣроятно не понимая по-русски, не отвѣчалъ даже и на форменную угрозу:—говори или убью! и только, щелкая зубами, дерзко подавался впередъ. Запуганный рекрутъ, боясь, чтобы онъ не проглотилъ его вмѣстѣ съ ружьемъ, крикнулъ:—Волкъ, стой, караульные, вонъ! и спустил курокъ съ этимъ словомъ. Обязанный однако жъ удостовѣриться, нѣтъ ли въблизи засѣвшаго непріателя, я вспрыгнулъ на коня, и съ конвоемъ изъ двухъ казаковъ и четверыхъ дагестанскихъ татаръ поскакалъ за цѣпь. Я проѣхалъ далеко къ западу, слѣзалъ, прислушивался, приглядывался—ни звука, ни тѣни человѣческой... поѣдемъ далѣе въ гору. Выравъ, вдалекѣ у меня, шумѣлъ по камнямъ Аграханъ въ ужасномъ оврагѣ; передо мной вздымался хребетъ, на западномъ обрывѣ котораго лежатъ уже вражескія деревни... Я хотѣлъ по отлогому склону добраться до гребня, чтобы осмотрѣть его. Я держалъ путь подалѣе отъ кое-гдѣ разсѣянныхъ кустарниковъ, но оглядывалъ ихъ кругомъ. И вотъ выѣхали мы на чистое мѣсто, на которомъ

не могли залечь горцы... и вдругъ, какъ будто земля родила ихъ... мы въ одинъ мигъ были окружены толпою. Пафъ, пафъ... полосы на голо... бьютъ кого попало. Беладъ (проводникъ) мой, татаринъ, кинулся впередъ и былъ пронизанъ нѣсколькими пулями... первый казакъ тоже; другой былъ сорванъ съ коня, едва успѣвъ выстрѣлить изъ пистолета. Трое татаръ, великіе наѣзтники противъ кабановъ, оттого, что кабаны не выучились еще владѣть винтовкою, ударились скакать наперегонку, будто надѣясь выиграть призовый кубокъ. Остался я одинъ съ саблей въ рукѣ... я не успѣлъ махнуть ею два раза, какъ раненый конь мой грянулся объ землю и сплюснулъ меня чуть не въ пуговицу. Когда я очнулся, на мнѣ уже не было половины одежды: горцы перекидывали меня изъ рукъ въ руки и разоблачали на лету. Связать меня, перекинуть черезъ хребты двухъ коней рядомъ и скакать влѣво, между тѣмъ какъ другіе понеслись вправо, было дѣломъ одной минуты... Въ Эрпилахъ пѣли передразвѣтные пѣтухи... мнѣ казалось, что это моя отходная.

Кавказскихъ горцевъ напрасно обвиняютъ въ жестокости. Очень рѣдко были примѣры, чтобы они терзали попавшихся имъ русскихъ даже въ пылу гнѣва или мести, на самомъ полѣ сраженія. Мы знаемъ, мы видѣли, какія неистовства претерпѣвали наши въ плѣну у турокъ, у персіянъ, у лавовъ. Счастливыми могли назваться тѣ, которымъ отрубали голову сначала, а то несчастнаго рубили по частямъ, сдирали кожу, палили медленнымъ огнемъ, и самая

смерть не снасала труповъ отъ поруганія. Напротивъ, черкесъ, лезгинъ, осетинецъ старается привести плѣннаго, конечно не по человѣколюбію, а изъ выгоды: онъ смотритъ на него какъ на товаръ... но и этотъ шагъ отъ звѣрсва къ расчетливости доказываетъ нѣкоторое образованіе. Правда, стараясь убѣжать, онъ волочитъ васъ въ горы на арканѣ, какъ плаху на дрова, и скорѣй оставитъ васъ задохнуться въ петлѣ, чѣмъ обрѣжетъ веревку; но если судьба допустила васъ совершить это невольное путешествіе, гдѣ волокомъ, гдѣ прыжкомъ, по скаламъ и черезъ рѣки, вживѣ—дома онъ заботливо примочитъ ваши язвы, поподчуетъ бузой, раздѣлитъ пополамъ черный чурекъ свой. Правда и то, что если онъ узнаетъ въ васъ офицера, онъ набрякаетъ на ноги двухпудовыя кандалы вмѣсто шноръ и, можетъ быть, посадитъ въ яму для удобнѣйшаго наблюденія звѣздъ среди бѣлаго дня; но самъ же доставитъ перо и бумаги, надѣясь, что вы, подъ вліяніемъ голода и другихъ скружающихъ васъ предметовъ, напишете прежалобное посланіе къ друзьямъ, къ роднымъ или къ начальникамъ—и въ этомъ цѣль его—большой за васъ выкупъ. Говорите послѣ этого, что они не имѣютъ понятія о политической экономіи! Европейцы, большіе искусники прибирать красныя имена для черныхъ дѣлъ, называли выкупъ или окупъ контрибуціею, и то, что въ частности почитаютъ варварствомъ, исполняютъ гуртомъ безъ зазрѣнія совѣсти. Осаждаютъ городъ—мирные граждане принуждены ѣсть конину; городъ сдается—и побѣдитель налагаетъ кон-

трибуцію за то, что они противились. Приходитъ союзникъ, выгоняетъ побѣдителя, и опять налагаетъ контрибуцію на гражданъ, зачѣмъ они не питались крысами и не противились дольше. Потомъ жгутъ иллюминацію, употребляя на потѣху глазъ масло, которымъ бы можно накормить тысячи голодныхъ желудковъ. Да здравствуетъ просвѣщеніе!... Но обратимся къ непросвѣщеннымъ.

Я очень хорошо зналъ, что передъ горцами опасно хвалиться грамотою Петра III о вольности дворянства, или величаться офицерскимъ званіемъ — и, къ счастью, плѣненный и ограбленный въ потьмахъ, я могъ легко отвѣчать на всѣ ихъ вопросы; кто я? — Солдатъ!

Когда взойшло солнце, вашъ покорный слуга маршировалъ въ горы въ праотеческимъ нарядѣ до грѣхопаденія, радуясь (можетъ быть, въ первый разъ), что природа, создавшая всѣхъ безъ темляковъ и эполетовъ, не могла меня обличить въ неправдѣ. Мы спустились цѣликовъ въ Койсубулинскую долину. Она дымилась какъ адъ туманами, между тѣмъ какъ свѣтловыя горы пылали уже огнемъ утра. Мы вмѣстѣ съ лучами солнечными пробивались сквозь пары. Проводники мои сошли съ коней, потому что ѣхать по этой стремнинѣ не было возможности: камни катились изъ-подъ насъ, и на насъ, и нерѣдко мы сами сокращали свой ходъ невольными кувырканіями, справляя лѣтнюю масляницу. Съ каждымъ шагомъ разлетные туманы открывали виды одинъ другого прелестнѣе, одинъ другого величественнѣе. Чина-

ровыя и дубовыя рощи, опушающія тамъ и сямъ утесы, черныя тѣни въ ущельяхъ, раскинутое на неприступной высотѣ селеніе Гимри, зелень долины, по которой иногда мелькалъ извивъ рѣки, и, наконецъ, рѣдѣющіе пары, которые, видимые сверху, казалось, влекли за собою тѣни—все это было очаровательно, но конечно не для меня. Я только видѣлъ кругомъ себя цѣпь горъ, истинную цѣпь, разлучающую меня со свѣтомъ, съ родиной, съ свободою... У невольника нѣтъ очей на красоты природы.

Спустившись въ тѣснину, мы опять начали подниматься на Гимри, стоящія на гранитномъ сосцѣ, надъ которымъ склонился исполнискій утесъ Эрпипинскаго хребта... природа, кажется, создала его для доказательства неприступности сверху и снизу. Отъ гребня невозможно бросать туда ни гранатъ, ни бомбъ; снизу невозможно подыматься иначе, какъ по одиночкѣ, и одинъ ринутый на тропинку камень можетъ увлечь десятки безстрашныхъ. Проводники мои съ гордостью оглядывались на меня; я самъ себя думалъ:—есть оружіе, ужаснѣйшее мортиръ и пушекъ—это голодъ, и рано ли, поздно ли русскіе запустятъ къ вамъ этого змѣя-Горыныча.—Мы вскарабкались. Извилистые переулки и крутые околицы Гимровъ были осыпаны толпами вооруженныхъ горцевъ. Иные варили въ котлахъ обѣдъ, другіе на желѣзныхъ шомполахъ своихъ жарили кебабъ; тѣ стояли кружками, тѣ бродили около коней: многіе спали: всѣ были въ буркахъ, въ войлокахъ разныхъ цвѣтовъ, съ длинными винтовками за плечами, съ

кинжалами и пистолетами на поясахъ. Мы были встрѣчены множествомъ любопытныхъ съ кликами и разспросами. Грозно смотрѣли на меня горцы изъ-подъ шапокъ, наиболѣе бѣлыхъ. Загорѣвшія, но выразительныя лица ихъ сверкали дикою радостью. Черкесская одежда ихъ отличалась ни тонкостью, ни опрятностью, за то каждый оборванецъ, сложивъ руки на крестъ, или взявшисъ за рукоять кинжала, или опершись о ружье, стоялъ такъ же гордо, какъ Наполеонъ на скалѣ св. Елены, и острокопечныя поршни ихъ, искусно перевитыя краснымъ шнуркомъ, будто изъ милости касались кремнямъ гордаго Кавказа. Привели толмача русскаго, челоуѣка лѣтъ въ 50, съ сѣдиной въ подстриженной бородѣ... онъ обнялъ меня боязливо... ободрилъ словомъ... и самъ съ какими то умилениемъ слушалъ мои привѣты. Рослый, стройный аварецъ, въ кольчугѣ, со стальными поручами, въ шишакѣ съ красными лепестками сукна вмѣсто перьевъ и въ бѣлой буркѣ съ красною же полосою вокругъ, которая рисовалась на немъ какъ римская *lati clavia*, казался однимъ изъ предводителей, хотя уваженіе къ нему не означалось въ толпѣ никакими знаками вниманія. Онъ велѣлъ спросить меня: сколько въ Эрпилахъ русскихъ, и что они хотятъ дѣлать? Мнѣ переданъ былъ этотъ вопросъ толмачемъ дрожащимъ голосомъ. Я отвѣчалъ, что я солдатъ и потому не знаю точно числа войскъ, а думаю есть тысячь десять: только это передовой отрядъ; наибреній же своихъ

начальниковъ у насъ не рассказываютъ подчиненнымъ, а потому нечего меня и спрашивать.

— Однако, что говорятъ между собою солдаты? — спросилъ воевода.

Я опять отвѣчалъ, что общій слухъ о нашемъ сборѣ — было отраженіе набѣга, а не впаденіе въ нихъ жилища. Русскіе всегда готовы платить тройнымъ добромъ за дружбу, примолвилъ я, и втрое мстить за обиды! Воевода насмѣшливо улыбнулся, и улыбка его была знакомъ ко всеобщему смѣху.

— Съ тѣхъ поръ какъ солнце свѣтитъ и желѣзо на солнцѣ блеститъ, возразилъ онъ, никто не указывалъ койсубулинцамъ, куда не ѣздить и чего не дѣлать! Одни русскіе задумали удержать рѣшетомъ Кой-су нашу — пускай же берегутъ рѣшето и руки. Мы знаемъ, что они хотятъ придти къ намъ, забрать нашихъ красавицъ въ гаремы, а сыновей въ барабанщики... милости просимъ! Хоть бы у каждого изъ васъ было столько же головъ, сколько пуговицъ на кафтанѣ, и тогда не надѣйтесь вынести назадъ пару языковъ, чтобы рассказать своимъ о горскомъ угощеніи. У насъ мало мѣста подъ засѣвъ хлѣба, но всегда довольно его, чтобы засѣять русскими головами!

Грохотъ и крикъ и выстрѣлы на воздухъ заключили слова его. Что мнѣ было отвѣчать на эту горскую гасконаду? — Я смиренно взглянулъ на свой райскій мундиръ, вздохнулъ и повѣсилъ буйную голову. Толмачъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, и между тѣмъ какъ хозяинъ мой хвасталъ своимъ удальствомъ, я спросилъ его, давно ли онъ въ горахъ?

— Десять лѣтъ, сказалъ русскій.

Я вздрогнулъ... можетъ быть и меня ждетъ подобная участь.

— И ты, живучи такъ близко къ границѣ, не нашелъ случая избавиться плѣна? былъ вопросъ мой.

— Я и не искалъ его... я бѣглый солдатъ.

— За худое ремесло принялся ты, пріятель.

Бѣглець закрылъ лицо руками... но слезы капали между пальцевъ. Наконецъ онъ поднялъ голову.

— Слезами не купишь прошлаго, возразилъ онъ. Тяжко на чужбинѣ, а въ родину запада мнѣ дорога. Пятнадцать лѣтъ служилъ я вѣрой и правдой Богу да Государю, проливалъ кровь и въ Шведчинѣ, и въ Турціи... да видно мой грѣхъ до меня дошелъ... Я нашелъ и здѣсь добрыхъ людей, выучился чужому языку, нажилъ жену и дѣтей—а все другой родины не нажить и прежней не позабыть: душа рвется на Украину!! Не побоялся бы я пройти сквозь строй, еслибъ могъ послѣ того положить свои кости на родномъ кладбищѣ! да не бываетъ этому, и мнѣ ужъ за одно мыкать горю на чужой сторонѣ...

Онъ еще не кончилъ, когда хозяйинъ мой пошелъ впередъ и толпа разлучила насъ.

Я сѣлъ на камнѣ у сакли, въ которую вошелъ въ гости мой повелитель. Въ одинъ мигъ составилъ около меня кружокъ и сотни рукъ съ указательными перстами устремились ко мнѣ, какъ радіусы къ центру; впрочемъ, грѣхъ сказать, чтобъ меня обижали... Не видя никогда у себя русскихъ врагами, они не имѣли повода къ отместкѣ. Правду сказать,